D 10/192

1875

D 10
D 192.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ

1830 ГОДА

И О ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШЕМЪ, ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ,

ЦЕСАРЕВИЧѢ КОНСТАНТИНѢ ПАВЛОВИЧѢ.

М. МАКСИМОВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1875.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ

1830 ГОДА

И О ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШЕМЪ, ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ,

ЦЕСАРЕВИЧѢ КОНСТАНТИНѢ ПАВЛОВИЧѢ.

М. МАКСИМОВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

(Литейный проспектъ, д. № 39).

1875.

ВОССТАНИЕ

О

ПОЛЬСКОЙ ВОЗСТАНИИ

1830 ГОДА

Дозволено цензурою. 19-го марта 1875 года

2007043163

ВОСПОМИНАНІЯ
о
ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ
1830 ГОДА.

Помѣщенныя ниже разъясненія и замѣчанія о событіяхъ въ Польшѣ 1830 года вызваны прочтеніемъ «Исторіи польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ», составленной г. Ф. Смитомъ.

Служивъ, подъ начальствомъ въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича, адъютантомъ въ Сводномъ баталіонѣ, составленномъ изъ русскихъ и польскихъ чиновъ, я имѣлъ случай съ достовѣрностію знать и видѣть подробности всѣхъ происшествій и частныхъ обстоятельствъ революціи 1830 года, о которой еще не имѣется правдивой исторіи. Единственное, по этому предмету, сочиненіе Ф. Смита (переведенное на русскій языкъ гвардіи штабсъ-капитаномъ Квитницкимъ) лишь вкратцѣ упоминаетъ о высокихъ, личныхъ и служебныхъ качествахъ Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича и о всѣхъ совершившихся событіяхъ въ началѣ вооруженнаго польскаго возстанія. Собранныя г. В. Циммаромъ въ Варшавѣ свѣдѣнія, напечатанныя въ «Военномъ Сборникѣ» 1869 г. № 8-й подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830 года», вѣрны, но недостаточно полны.

Какъ очевидецъ и принимавшій непосредственное участіе въ происшествіяхъ того времени, считаю себя обязаннымъ сообщить все, что

мнѣ непосредственно извѣстно, въ особенности о первыхъ дняхъ революціи 1830 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить истину и опровергнуть неправильное мнѣніе, что будто бы Его Высочество Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ недостаточно предусмотрителенъ, чтобы во-время предупредить и подавить въ началѣ послѣдствія польскаго возмущенія 1830 г.

Съ перваго момента началось не возмущеніе, какъ говоритъ авторъ, а кровавая революція, начавшаяся избіеніемъ высшаго польскаго начальства, съ намѣреніемъ истребить русскій отрядъ. Съ перваго же момента революціонныя военныя силы были сосредоточены въ рукахъ офицеровъ-заговорщиковъ и составляли около 10,000 варшавскаго городскаго гарнизона съ 16-ю орудіями (*). Эти войска, еще утромъ 17-го (29-го) ноября, были уже приготовлены произвести вечеромъ революцію, и заговорщики назначили имъ сборные пункты въ Варшавѣ, по условленнымъ сигналамъ. Кромѣ того, въ окрестностяхъ Варшавы ближайшіе 1-й линейный и 1-й егерскій полки приготовились, чтобы напасть на русскія загородныя войска: артилерію: л.-гв. конную—въ Скерневицахъ, л.-гв. пѣшую—въ Гурѣ и на Сводный учебный баталіонъ—въ Блони, съ тѣмъ, чтобы, по истребленіи этихъ войскъ, идти съ трофеями въ Варшаву.

Вся эта масса польскихъ революціонныхъ войскъ, съ вооруженными толпами народа и студентами, образовавшими отдѣльные полки,

---

(*) Именно: 4-й линейный полкъ, школа подпрапорщиковъ, два сводные полка: изъ гренадерскихъ ротъ линейныхъ полковъ и карабинерныхъ ротъ егерскихъ полковъ, саперный баталіонъ, нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, лейбъ-гвардіи польская артилерійская батарея и учебныя артилерійскія команды съ восемью орудіями.

стремилась исключительно къ истребленію русскаго 7,000-го отряда.

Въ Бозѣ почившій Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, достойный ученикъ величайшаго изъ военныхъ геніевъ XVIII вѣка, Суворова, первый, подвергавшійся опасности, былъ постоянно въ пользу быстрыхъ и рѣшительныхъ суворовскихъ дѣйствій. Только одинъ онъ могъ мужественно и энергически противодѣйствовать польской крамолѣ, и дѣйствительно, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, умѣлъ съ глубокою опытностью распорядиться такимъ образомъ, что сохранилъ свой русскій отрядъ или, такъ сказать, вырвалъ его изъ рукъ крамольниковъ и привелъ въ свое отечество въ цѣлости, лишившись только нѣкоторыхъ русскихъ чиновъ, захваченныхъ въ плѣнъ и убитыхъ по одиночкѣ, въ домахъ и на улицахъ, при первой вспышкѣ возстанія.

Спрашивается, можно ли было что-либо болѣе сдѣлать русскимъ въ такомъ крайнемъ положеніи?

Его Высочество Цесаревичъ, видя кругомъ себя одну польскую измѣну, предательство, избіеніе главныхъ своихъ помощниковъ, не могъ повести въ бой 7,000 русскихъ противъ 60,000-го польскаго войска, изъ котораго въ одной Варшавѣ было болѣе 10,000 человѣкъ, и противъ возставшихъ и вооруженныхъ студентовъ и народа, составлявшихъ массу, вмѣстѣ съ войсками, болѣе 100,000 человѣкъ, могущихъ во всякое время усиливать варшавскую революцію цѣлыми дивизіями польскихъ мятежныхъ войскъ изъ окрестностей.

Въ таковыхъ безпримѣрно исключительныхъ, трудныхъ обстоятельствахъ начать небольшому русскому отряду подавленіе вспыхнувшаго вооруженнаго возстанія значило бы: позволить окружить себя со всѣхъ сторонъ, поставить себя въ безвыходное положеніе, ли-

шиться всякаго сообщенія съ отечествомъ, быть, такъ сказать, въ залогѣ у непріятеля и тѣмъ придать еще болѣе бодрости революціонерамъ. Но Цесаревичъ, не имѣя ни малѣйшей надежды на какую либо помощь и подкрѣпленіе, оставаясь одинъ съ русскимъ отрядомъ, изъ котораго большая часть генераловъ захвачена въ городѣ по одиночкѣ въ плѣнъ, только своими рѣшительными дѣйствіями ободрялъ духъ русскихъ солдатъ, внушая страхъ крамольникамъ, ужасавшимся собственныхъ своихъ преступленій. Великій Князь съ русскими войсками смѣло удерживалъ трое сутокъ боевую позицію предъ Варшавою, на Мокотовомъ полѣ. Стойкость эта заставила поляковъ поспѣшить избраніемъ себѣ начальника (Хлопицкаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ прислать депутацію, отъ которой Его Высочество Цесаревичъ требовалъ полной, безусловной покорности поляковъ волѣ Монарха и возстановленія въ Варшавѣ прежняго, законнаго порядка.

Когда депутаты не согласились на таковыя требованія, тогда Его Высочество Цесаревичъ, безъ всякихъ дальнихъ переговоровъ, приказалъ отослать, какъ неблагонадежныхъ, изъ своего отряда пять польскихъ ротъ и шесть эскадроновъ, приведенныхъ польскими генералами Жимирскимъ и Курнатовскимъ въ русскій отрядъ. Распоряженіе это было сдѣлано потому, что бо́льшая часть этихъ войскъ, не смотря на отданное Его Высочествомъ приказаніе не сообщаться съ революціонерами и не имѣть съ ними сношеній, самовольно оставляла свои посты, переходила на сторону революціонеровъ въ Варшаву и только ставила русскій отрядъ въ опасное положеніе. При этомъ можно было ожидать, что если бы русскія войска вмѣстѣ съ польскими частями пошли на встрѣчу революціонерамъ въ Варшаву, то, безъ всякаго сомнѣнія, эти части польскихъ войскъ первыя повернули бы оружіе противъ русскихъ. Эти части войскъ, приведенныя генера-

ломъ Курнатовскимъ, все время просили его, чтобы онъ ихъ отпустилъ въ возставшую Варшаву.

Очистивъ вышепомянутымъ распоряженіемъ свой русскій отрядъ отъ ненадежныхъ людей и снявшись съ позиціи, Его Высочество двинулъ свои войска въ предѣлы отечества, со всѣми предосторожностями военнаго времени.

Такимъ образомъ, въ 1830 году, въ Польшѣ было не какое либо случайное возмущеніе, какъ о томъ упоминаетъ авторъ, а вооруженное возстаніе регулярныхъ польскихъ войскъ, поднятыхъ заговорщиками (по заранѣе составленному плану), и возбужденіе народнаго возстанія противъ владычества Россіи.

Польша, облагодѣтельствованная Монаршими милостями, процвѣтала, имѣла во всемъ изобиліе, сохранила свою національность. Всему свѣту извѣстно, что она была вполнѣ счастливою подъ скипетромъ Россійскихъ Монарховъ, чѣмъ никогда до того времени не пользовалась.

Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, послѣ Вѣнскаго конгреса, получа названіе главнокомандующаго Литовскимъ корпусомъ и польской арміей, приступилъ лично къ формированію этихъ войскъ. Много ему предстояло усиленныхъ трудовъ и терпѣнія для того, чтобы ввести въ польскихъ войскахъ дисциплинарные порядки.

На первыхъ порахъ, нижніе чины польскіе и русскіе обнаруживали взаимныя враждебныя чувства, которыя нерѣдко доходили до

ссоръ и даже до дракъ, особенно при сосѣдствѣ казармъ въ Варшавѣ, гдѣ чаще всего повторялись эти столкновенія. Въ подобныхъ случаяхъ начальники прибѣгали къ мѣрамъ строгости и не допускали послабленія; наказанія слѣдовали за наказаніями, но вражда не уменьшалась. Наконецъ, съ разрѣшенія Цесаревича, были приняты другія мѣры къ возможному сближенію русскихъ солдатъ съ польскими, при чемъ, между прочимъ, старались сблизить ихъ посредствомъ общихъ обѣдовъ, товарищескихъ собраній и пр. Хотя при этомъ, вражда, повидимому, уменьшалась, солдаты мирились, но это были лишь наружныя отношенія; искренней же пріязни между ними не существовало.

По окончаніи формированія и устройства войскъ, Цесаревичъ, въ 1823 году, пріѣхалъ въ Петербургъ просить Государя Императора осчастливить его смотромъ польской арміи и Литовскаго корпуса, на маневрахъ подъ Брестъ-Литовскомъ.

Въ день пріѣзда Цесаревича въ Петербургъ, въ Зимнемъ дворцѣ, представлялись на Высочайшій смотръ выпускные воспитанники изъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, числомъ болѣе 300, вновь произведенные въ прапорщики. Государь Императоръ, по осмотрѣ ихъ, уходя, подвелъ Цесаревича къ фронту и сказалъ: «Братъ, выбери для себя въ Литовскій корпусъ». Цесаревичъ, приказавъ называть свои фамиліи, при проходѣ его по фронту, выбралъ пятерыхъ, въ томъ числѣ и меня. Разумѣется, это была случайность, лотерейный жребій; но мнѣ тогда выборъ этотъ показался какимъ-то отличіемъ, возбудившимъ во мнѣ соревнованіе къ службѣ и глубокую преданность къ Цесаревичу, съ усерднымъ желаніемъ оправдать этотъ выборъ своею службою. Когда представлялись случаи, я доказывалъ это на дѣлѣ.

Для маневровъ, Литовскій корпусъ былъ расположенъ на тѣсныхъ квартирахъ подъ городомъ Брестъ-Литовскомъ, а польская армія за рѣкою Нѣманомъ, около города Тирасполя.

По пріѣздѣ въ Брестъ-Литовскъ Государя Императора, въ сопровожденіи Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, былъ общій парадъ, и чрезъ нѣсколько дней послѣдовали большіе маневры. Государь Императоръ остался очень доволенъ отличнымъ состояніемъ войскъ, которыя и были отпущены на свои кантониръ-квартиры.

Затѣмъ, Цесаревичу угодно было сформировать еще Сводный учебный баталіонъ, смѣшанный изъ чиновъ русской и польской національностей. Кадръ этого баталіона состоялъ: изъ командира баталіона, учителей: офицеровъ, подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ изъ польскихъ войскъ; фронтовой же составъ баталіона былъ ежегодно перемѣняемъ командами отъ русскихъ полковъ: гренадерскихъ и всего Литовскаго корпуса и сапернаго баталіона. Войска эти обучались воинскимъ экзерциціямъ, а лѣтомъ и плаванію.

Такъ какъ, командиръ баталіона, какъ и всѣ польскіе офицеры кадра, русскаго языка не знали, то, по приказанію Его Высочества Цесаревича, вся письменная часть возложена была на мою обязанность, съ назначеніемъ въ должность адъютанта, въ которой я и состоялъ во все время существованія этого баталіона. Кромѣ того, я получилъ приказаніе заниматься и письменною частію въ комитетѣ, образованномъ для составленія проектовъ новаго устава строевой пѣхотной службы. По указанію и предварительному разсмотрѣнію Его Высочества, эти уставныя правила вводились въ войскахъ, въ отмѣну прежнихъ: деплоядъ, контръ-маршей и прочихъ фронтовыхъ ломокъ.

Цесаревичъ былъ особенно преданъ военной службѣ и посвящалъ

все время исполненію лежавшихъ на немъ многосторонних обязанностей. Какъ извѣстно, онъ усвоилъ охоту къ военной службѣ съ юныхъ лѣтъ, участвуя въ суворовскихъ походахъ, о которыхъ иногда вспоминалъ. Такъ, однажды онъ изволилъ спросить у меня, не родственникъ ли я Максимовичу, служившему при Суворовѣ, на что я отвѣчалъ утвердительно.

Его Высочество, занимаясь образованіемъ войскъ, при общемъ спокойствіи и порядкѣ въ краѣ, процвѣтавшемъ и облагодѣтельствованномъ Монархомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать возникновенія предательской, подпольной работы,—польскихъ тайныхъ заговоровъ, которые разразились 17-го (29-го) ноября 1830 года революціею.

Во все время управленія Его Высочества краемъ, какъ выше сказано, не было причинъ подозрѣвать о существованіи заговоровъ.

Въ 1830 году, 4-го октября, въ Варшавѣ студенты служили торжественную народную панихиду по полякамъ, убитымъ подъ Прагою въ 1794 году. Въ то же время, мальчикъ гимназистъ заявилъ своему отцу, что въ школѣ требуется отъ всѣхъ учениковъ имѣть ружья. Отецъ, хотя и полякъ, донесъ о томъ начальнику штаба, графу Курутѣ. По докладу объ этомъ Его Высочеству, тотчасъ было наряжено строгое слѣдствіе и начались обыски, аресты студентовъ, гимназистовъ, а также вообще подозрительныхъ лицъ. Послѣ этого, Цесаревичъ приказалъ принять самыя энергическія мѣры осторожности, при чемъ войска каждую минуту были на готовѣ, на случай внезапной тревоги.

Недѣли за двѣ до роковаго числа 17-го (29-го) ноября, Цесаревичъ получилъ изъ Берлина депешу, въ которой сообщалось, что въ

Познанской провинціи обнаруженъ польскій заговоръ, имѣющій связь съ Варшавою.

Цесаревичъ въ тотъ день, принявъ обычныхъ ординарцевъ въ Брюлевскомъ дворцѣ и отпустивъ ихъ, объявилъ всѣмъ бывшимъ при этомъ начальникамъ содержаніе полученной депеши, и изволилъ подтвердить свои распоряженія относительно принятыхъ уже строгихъ мѣръ осторожности; при этомъ, на всякій случай, онъ назначилъ войскамъ сборные пункты.

Всѣ присутствовавшіе польскіе генералы поклялись Цесаревичу своею честью и жизнью въ томъ, что край спокоенъ, при чемъ увѣряли, что никогда ничего опаснаго въ Варшавѣ быть не можетъ. Они заявили, что войска всѣмъ довольны, вѣрны и надежны; обыватели никѣмъ не притѣсняются и пользуются такимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ, какимъ поляки никогда не пользовались, ни при какой иной формѣ правленія; а что касается волненія принадлежащей Пруссіи польской провинціи, то это (говорили они) другое дѣло: тамъ поляковъ притѣсняютъ, національность уничтожается, и даже насильно вводится нѣмецкій языкъ. Цесаревичъ, выслушавъ клятвенныя ихъ увѣренія, спокойно и рѣзко выставилъ имъ на видъ, что, «на какое же можно полагаться спокойствіе, когда и теперь обнаруживается тайный заговоръ, и по производящемуся слѣдствію оказывается уже множество замѣшанныхъ и арестованныхъ».

Означенные генералы опять клятвенно увѣряли Цесаревича, что «это не какой либо серьезный заговоръ, въ которомъ бы принимали участіе люди, вліяющіе на народныя идеи, а просто школьная, ребяческая сходка, отъ которой никогда не можетъ произойти что либо серьезное».

Бѣдные генералы! Быть можетъ, по чувствамъ своимъ они и

были искренни предъ Цесаревичемъ, и успокоивали его съ полнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, ибо, на этотъ разъ, заговорщики дѣйствительно были весьма осторожны, такъ что польская полиція и ея агенты въ Варшавѣ, правду сказать, далеко неудовлетворительные, и польскіе начальники, изъ преданныхъ законному правительству, могли ничего не знать. И дѣйствительно, генералы, ручавшіеся Цесаревичу за спокойствіе въ Варшавѣ, остались вѣрными правительству въ день возстанія 17-го (29-го) ноября, при чемъ первые поплатились жизнію за свою недальновидность. Благородныя имена ихъ изображены на памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь ихъ въ Варшавѣ, на Саксонской площади.

Около того времени, въ главномъ штабѣ арміи, дежурный генералъ Кривцовъ конфиденціально говорилъ мнѣ, что Его Высочество намѣревается занять однимъ изъ русскихъ баталіоновъ кр. Модлинъ; но, вслѣдъ за симъ, было получено Высочайшее повелѣніе, чтобы войска были въ готовности къ заграничному походу, при чемъ Литовскій корпусъ и польская армія назначались въ авангардъ. Цесаревичъ отдалъ приказъ по войскамъ приготовляться къ походу: передѣлывать патроны, поправлять обувь и прочее. Такимъ образомъ все вниманіе Его Высочества было обращено на выступленіе войскъ въ походъ. Слѣдственное же дѣло надъ студентами дѣятельно производилось и число арестовъ увеличивалось.

Въ это самое время польскіе заговорщики увѣдомили участниковъ въ заговорѣ, находившихся въ провинціи, о своемъ рѣшеніи и о времени дѣйствія. Имѣя подъ рукою школу подпрапорщиковъ, съ прикомандированными къ ней унтеръ-офицерами, въ числѣ около 400 человѣкъ, уже подготовленныхъ къ революціи, они раздѣлили ихъ на партіи для одновременнаго возстанія.

Въ семь часовъ вечера, 17-го (29-го) ноября, заговорщики произвели внезапное нападеніе на Бельведеръ, мѣстопребываніе Цесаревича, и въ тоже время началось избіеніе на улицахъ попавшихъ къ нимъ въ руки начальниковъ войскъ. Тогда же было произведено безуспѣшное нападеніе на казармы русскихъ кавалерійскихъ полковъ и на арсеналъ, а въ театрѣ провозглашено поголовное возстаніе народа. Русскихъ, бывшихъ въ театрѣ, на улицахъ, а нѣкоторыхъ и въ домахъ: генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ начали бить и захватывать въ плѣнъ.

При первомъ объявленіи о возстаніи, мятежныя войска варшавскаго гарнизона выступили изъ казармъ и заняли мѣста, указанныя заговорщиками. Въ тоже время масса народа изъ театра мгновенно хлынула къ выходамъ и пустилась бѣжать по городу съ криками: «Поляки, къ оружію, къ оружію! москали нашихъ рѣжутъ!». Арсеналъ съ 60,000 ружей оказался открытымъ и былъ уже въ рукахъ черни.

Вѣсть о революціи съ быстротою молніи охватила весь край, такъ какъ въ каждомъ городѣ и въ каждой части польскихъ войскъ были участники въ заговорѣ. Ожидали только увѣдомленія, которое еще наканунѣ было получено отъ распорядителей, чтобы произвести избіеніе загородныхъ русскихъ войскъ, по мысли, не уступающей Варѳоломѣевской ночи.

Въ эти страшныя, критическія минуты, Его Высочество Цесаревичъ могъ полагаться только на малочисленный отрядъ русскихъ войскъ, самая важная часть которыхъ — артилерія, была расположена внѣ Варшавы.

Русская артилерія: конная и пѣшая, а также и Сводный учебный баталіонъ были расположены по квартирамъ въ окрестностяхъ Варша-

вы: въ Блони въ 20, въ Гурѣ въ 50 и въ Скерневицахъ въ 60 верстахъ, и ничего не знали ни о революціи въ Варшавѣ, ни объ опасномъ положеніи Его Высочества Цесаревича, ни о гибельной участи, на какую они сами были обречены заговорщиками.

Въ это время я былъ поручикомъ и адъютантомъ вышеупомянутаго Своднаго баталіона, который состоялъ, какъ выше сказано, изъ русскихъ и польскихъ чиновъ, и находился въ мѣстечкѣ Блони, въ двадцати верстахъ отъ Варшавы. Вечеромъ, 17-го (29-го) ноября, совершенно неожиданно явился передо мною едва живой, весь залитый кровью, тяжело раненый русскій унтеръ-офицеръ, и съ великимъ усиліемъ разсказалъ о предстоящей опасности Цесаревичу Константину Павловичу и всѣмъ русскимъ. Извѣстіе это поразило меня, при чемъ мнѣ представился весь ужасъ положенія Его Высочества и всѣхъ насъ русскихъ. Размышлять было некогда; одна потерянная минута могла причинить неисправимое бѣдствіе. Тотчасъ я сообразилъ, что командиру-поляку довѣрять русскаго дѣла не слѣдуетъ, что и оказалось справедливымъ, такъ какъ обнаружилось, что онъ былъ сообщникомъ революціонной партіи. Стремглавъ я побѣжалъ на русскую гауптвахту, и тамъ началъ распоряжаться относительно скорѣйшаго сбора русскихъ загородныхъ войскъ къ Варшавѣ. Приступая къ исполненію моего намѣренія, я ежеминутно долженъ былъ бороться и одолѣвать всѣ затрудненія, возникавшія при тогдашнихъ опасныхъ обстоятельствахъ.

Обстоятельства эти совершенно вѣрно изложены въ статьѣ доктора философіи В. Циммермана, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830 года», напечатанной въ августовской книжкѣ журнала «Военный Сборникъ» за 1869 годъ,

изъ котораго позволяю себѣ выписать слѣдующія страницы (отъ 189 до 200), авторъ говоритъ:

Во время нашего пребыванія въ Варшавѣ въ 1868 году, мы съ большимъ интересомъ читали сочиненіе Ф. Смита: «Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ», переведенное на русскій языкъ (съ нѣмецкаго оригинала) гвардіи штабсъ-капитаномъ Квитницкимъ. Желая провѣрить нѣкоторые, изъ описанныхъ этимъ историкомъ, факты, мы обратились къ лицамъ, проживавшимъ въ Варшавѣ въ 1830 году, и узнали о такихъ событіяхъ, о которыхъ или вовсе не говорится въ сочиненіи Смита, или упоминается только вскользь авторомъ этого замѣчательнаго труда. Г. Смиту, какъ кажется, вовсе не были извѣстны обстоятельства, сопровождавшія захватъ мятежниками въ плѣнъ отдѣленія военныхъ кантонистовъ (въ полномъ его составѣ).

Также не объяснено имъ, по какимъ причинамъ загородныя части русскихъ войскъ избѣгли плѣна, и что способствовало счастливому соединенію этихъ частей вокругъ особы Цесаревича, Великаго Князя Константина Павловича.

Кромѣ того, не описаны подробности, относящіяся до командованія генераломъ Даненбергомъ частію мятежныхъ войскъ, удержанной имъ въ повиновеніи въ продолженіе нѣсколькихъ дней и служившей для прикрытія Бельведера. Изъ собранныхъ нами свѣдѣній образовались три отдѣльныхъ эпизода: 1) о загородныхъ частяхъ русскихъ войскъ; 2) о мятежномъ польскомъ отрядѣ, оставшемся временно-вѣрнымъ русскому правительству и служившемъ для прикрытія Бельведера; 3) о варшавскомъ отдѣленіи военныхъ кантонистовъ.

Достовѣрность всѣхъ описанныхъ нами событій засвидѣтельствована: членомъ государственнаго совѣта генераломъ-отъ-артиллеріи ба-

рономъ Николаемъ Ивановичемъ Корфомъ; членомъ военнаго совѣта генераломъ-отъ инфантеріи Петромъ Андреевичемъ Даненбергомъ; командующимъ войсками Московскаго военнаго округа генералъ-адъютантомъ Александромъ Ивановичемъ Гильденштуббе; генералъ-адъютантомъ Романомъ Ивановичемъ Кнорринтомъ 2; генералъ-адъютантомъ Николаемъ Матвѣевичемъ Яфимовичемъ; генералъ-лейтенантомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Лишинымъ; отставнымъ генералъ-лейтенантомъ Петромъ Алексѣевичемъ Ратовымъ; отставнымъ полковникомъ Петромъ Андреевичемъ Васильевымъ и генералъ-лейтенантомъ Дмитріемъ Семеновичемъ Есаковымъ (нынѣ умершимъ), который еще въ 1835 и 1836 годахъ, составилъ описаніе замѣчательнаго подвига адъютанта русскаго учебнаго баталіона Михаила Максимовича.

Такимъ образомъ, сообщенныя намъ въ Варшавѣ свѣдѣнія и изустные разсказы получили надлежащее подтвержденіе въ Петербургѣ. Вотъ причины, почему мы позволили себѣ назвать нашу статью историческимъ матеріаломъ, который можетъ служить основаніемъ для соображеній будущаго составителя другой исторіи польскаго мятежа 1830 года.

I.

О ЗАГОРОДНЫХЪ ЧАСТЯХЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Вотъ что говорится у Смита о положеніи загородныхъ частей русскихъ войскъ въ моментъ польскаго возстанія (на стр. 123): «Артилерія (русская) не находилась въ Варшавѣ; пѣшая, подъ начальствомъ генерала Корфа, была расположена въ Гурѣ, на Вислѣ, а конная въ Скіерневицахъ. Расчитывая на вѣрность польскихъ войскъ, рѣшительно не опасаясь нападенія съ ихъ стороны, не приняли никакихъ мѣръ предосторожности. Рано утромъ 17-го ноября (1830 г.), Заливскій послалъ офицеровъ въ (польскіе) полки, расположенные въ окрестностяхъ, извѣстить заговорщиковъ, что революція вспыхнетъ 17-го вечеромъ и сообщить имъ что они при этомъ должны дѣлать. Рѣшено было, что одинъ баталіонъ 1-го егерскаго полка, расположеннаго въ Сохачевѣ, долженъ былъ застичь врасплохъ и обезоружить русскій учебный баталіонъ, стоявшій въ Блони; одинъ баталіонъ 1-го линейнаго полка изъ Мшонова долженъ былъ взять русскую гвардейскую конную батарею въ Скіерневицахъ, въ то время, какъ другой баталіонъ того же полка овладѣетъ русскою пѣшею батареею въ Гурѣ».

Далѣе (на стр. 164) напечатано: «Между тѣмъ, русскіе кавалерійскіе полки оставили городъ и расположились у Мокатова. Здѣсь

къ вечеру того же дня присоединились къ нимъ три гвардейскихъ (*) пѣхотныхъ полка (русскіе, Литовскій и Волынскій, и часть польскаго гренадерскаго), шедшіе кругомъ города, также какъ и русская артилерія изъ Гуры и Скіерневицъ; эта послѣдняя не была захвачена, такъ что планъ мятежниковъ въ провинціяхъ удался столь же мало, какъ и въ столицѣ. Когда тамъ узнали, что Великій Князь находится въ живыхъ и не только избѣгнулъ всѣхъ разставленныхъ ему сѣтей, но напротивъ, какъ прибавляли разсказчики, самъ блокировалъ съ значительными силами Варшаву, то заговорщиками овладѣлъ страхъ, и ни одна изъ вышеприведенныхъ установленныхъ мѣръ не была выполнена».

Больше ничего не сказано о загородныхъ русскихъ войскахъ. Между тѣмъ, совершенный неуспѣхъ предположенія заговорщиковъ, составленнаго для обезоруженія этихъ войскъ, имѣлъ весьма выгодныя для русскаго дѣла послѣдствія. Въ случаѣ полной удачи плана мятежниковъ, вѣроятно, революціоперы не знали бы предѣловъ своимъ требованіямъ и произвели бы гораздо большія неистовства.

Вотъ почему событія, способствовавшія избавленію нашего загороднаго отряда отъ плѣна, имѣютъ чрезвычайно важное историческое значеніе. Обращаясь къ тексту г. Смита, мы замѣчаемъ, что авторъ, на стр. 123, упомянаетъ объ учебномъ, баталіонѣ, а на стр. 164 ничего о немъ не грворитъ. Былъ ли баталіонъ обезоруженъ мятеж-

---

(*) Литовскій и часть польскаго гренадерскаго полка были приведены своимъ бригаднымъ командиромъ, оставшимся намъ въ началѣ мятежа вѣрнымъ, генералъ-маіоромъ Жемирскимъ, который въ тоже время былъ и полковымъ командиромъ гвардейскаго гренадерскаго полка. Часть этого полка присоединилась къ мятежникамъ, остальная же послѣдовала за Жемирскимъ.

никами, или нѣтъ; прибылъ ли онъ къ Великому Князю на Мокатовское поле; почему спаслись отъ плѣна русскія конная и пѣшая артилерія; кто первый распространилъ слухъ о неудачѣ мятежа въ Варшавѣ, испугавшій заговорщиковъ въ провинціи и остановившій исполненіе предписанныхъ революціоннымъ комитетомъ мѣръ—все это не объяснено историкомъ. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, мы изложимъ факты, относящіеся до учебнаго баталіона, а затѣмъ объяснимъ подробности касательно конной и пѣшей артилеріи.

Къ этому считаемъ долгомъ присовокупить, что русскіе офицеры заблуждались относительно своихъ польскихъ сослуживцевъ, съ которыми находились подъ командою общихъ начальниковъ, потому что считали почти невозможнымъ, чтобы польскія войска, даже въ случаѣ общаго мятежа въ Варшавѣ, измѣнили присягѣ, данной своему военному знамени.

Начнемъ нашъ разсказъ съ учебнаго баталіона, такъ какъ его противодѣйствіе, главнымъ образомъ, разрушило дѣло мятежниковъ въ провинціи. Этотъ баталіонъ состоялъ изъ командъ всѣхъ полковъ литовскаго корпуса, гренадерской бригады и литовскаго сапернаго баталіона, ежегодно перемѣняемыхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Баталіонный командиръ и офицеры постояннаго кадра принадлежали къ 4-му линейному (польскому) полку, а инструкторами были молодые люди, изъ школы прапорщиковъ. Какъ полкъ этотъ, такъ и школа первые взбунтовались. Слѣдовательно, русскій баталіонъ былъ обреченъ неминуемой гибели и, находясь подъ начальствомъ и въ распоряженіи мятежниковъ, никакимъ образомъ не могъ быть спасенъ, тѣмъ болѣе, что высшее начальство его, дивизіонный генералъ-адъютантъ Рихтеръ и бригадный генералъ Есаковъ, были захвачены въ началѣ бунта въ плѣнъ, вмѣстѣ съ командиромъ Литовскаго полка Энгель-

маномъ, а генералъ Трембицкій, которому баталіонъ подчинялся по фронтовому образованію, былъ убитъ за вѣрность своему Государю. Спрашивается: отъ кого же могло поступить распоряженіе къ охраненію баталіона? Отъ непосредственнаго начальника, баталіоннаго командира, маіора Шпотанскаго? Но онъ былъ штабъ-офицеръ взбунтовавшагося полка!

Ни командиръ, ни чины постояннаго кадра не имѣли понятія о русскомъ языкѣ, на которомъ производилась служебная переписка русскимъ офицеромъ, поручикомъ Максимовичемъ, назначеннымъ Великимъ Княземъ въ должность баталіоннаго адъютанта и исправляющимъ, въ то же время, должность казначея и квартермистра, съ основанія баталіона въ 1826 году. Баталіонная квартира находилась въ мѣстечкѣ Блони, въ 21 верстѣ отъ Варшавы, а роты были разбросаны по деревнямъ, вмѣстѣ съ квартирами 1-го егерскаго польскаго полка. Адъютантъ, постоянно занятый своимъ дѣломъ, думалъ, только о точномъ исполненіи своихъ обязанностей. Мысль о возможности польскаго мятежа ему и въ голову не приходила. Каково же было его удивленіе, когда въ темный вечеръ, 17-го ноября, явился къ нему унтеръ-офицеръ Литовскаго фурштадтскаго баталіона. Этотъ унтеръ-офицеръ объявилъ адъютанту русскаго учебнаго баталіона, поручику 48-го егерскаго полка Михаилу Максимовичу, что въ этотъ день онъ стоялъ въ карауле съ двѣнадцатью человѣками фурштата, при четырехъ учебныхъ орудіяхъ, на Повонзковскомъ полѣ (по дорогѣ въ Блонь), и что около шести часовъ вечера пришла туда вооруженная шайка мятежниковъ, окружила и разбила караулъ, завладѣла пушками и повезла ихъ на приведенныхъ въ упряжи лошадяхъ въ Варшаву; онъ же упалъ раненый, былъ принятъ мятежниками

за убитаго и услышалъ слѣдующій, происходившій между ними разговоръ:

«Въ эту ночь, въ разныхъ концахъ Варшавы, вспыхнетъ пожаръ, какъ условленный знакъ возстанія. Школа подпрапорщиковъ первая нападетъ на мѣстопребываніе Великаго Князя, Бельведеръ, потомъ на казармы и конюшни русской гвардейской кавалеріи, противъ которой и будутъ употреблены захваченныя пушки, а 4-й линейный полкъ, стоявшій въ этотъ день въ карауле, будетъ во всемъ содѣйствовать мятежникамъ».

По уходѣ этихъ людей (взявшихъ пушки съ собою), унтеръ-офицеръ прибылъ полемъ до Блони, съ цѣлью извѣстить учебный баталіонъ обо всемъ.

Пораженный такимъ извѣстіемъ и не зная что происходитъ въ Варшавѣ, Максимовичъ уже не довѣрялъ маіору Шпотанскому, какъ штабъ-офицеру, принадлежащему къ 4-му полку, и потому долгомъ считалъ принять мѣры для выступленія баталіона въ Варшаву, безъ предварительнаго сообщенія своему баталіонному командиру. Съ этою цѣлью, поспѣшилъ къ гауптвахтѣ, гдѣ оставилъ унтеръ-офицера, для оказанія ему надлежащей помощи, велѣлъ нижнимъ чинамъ, квартировавшимъ въ Блони, собраться у гауптвахты и зарядить ружья. Затѣмъ онъ отправилъ въ роты письменное приказаніе явиться какъ можно скорѣе въ Блонь, въ полной походной амуниціи. Послѣ этого, онъ послалъ на курьерскихъ лошадяхъ, съ надежнымъ человѣкомъ (*), письмо въ Скіерневицы къ командиру русской гвардейской конной батареи, полковнику Гербелю, которому сообщилъ заявленіе унтеръ-офицера и распоряженіе свое относительно сбора къ

(*) Унтеръ-офицеръ Минскаго полка Антоновъ.

девяти часамъ утра (это былъ кратчайшій срокъ, такъ какъ самая дальняя рота не могла бы прибыть ранѣе) баталіона, имѣющаго отправиться, вмѣстѣ съ батареею, окольными дорогами на дер. Влохи и окопами мимо Вашавы, чтобы ближайшимъ путемъ придти въ Бельведеръ.

Окончивъ распоряженія къ охраненію чести русскаго оружія и пригласивъ съ собою дежурнаго по карауломъ офицера, адъютантъ отправился съ нимъ къ баталіонному командиру, у котораго засталъ четырехъ польскихъ офицеровъ и доложилъ, что въ Варшавѣ бунтуютъ.

Шпотанскій показалъ видъ будто ничего не знаетъ, и запретилъ адъютанту, подъ страхомъ смерти, ничего не предпринимать и не распускать ложныхъ о возмущеніи слуховъ, такъ какъ въ Варшавѣ, какъ ему извѣстно, положительно все спокойно, что засвидѣтельствовано словами означенныхъ четырехъ офицеровъ (*), только что прибывшихъ изъ столицы Царства. Затѣмъ командиръ повторилъ, что если адъютантъ приступитъ къ какимъ-либо распоряженіямъ о сборѣ баталіона, то будетъ отвѣчать жизнью. Тутъ Максимовичъ убѣдился, что въ предательствѣ Шпотанскаго не оставалось никакого сомнѣнія, и передавать командиру доставленныя унтеръ-офицеромъ свѣдѣнія было не только безполезно, но и вредно, въ виду уже принятыхъ распоряженій. А потому, молча выслушавъ угрозы Шпотанскаго, онъ удалился. Тяжелыя минуты приходилось переживать молодому человѣку! на волоскѣ висѣли его жизнь, честь баталіона и участь нѣ-

(*) Это были польскіе уланы, которые уже успѣли снять эполеты съ праваго плеча, на манеръ французскаго войска, что Максимовича крайне поразило.

сколькихъ тысячъ людей. Привыкшая къ безпрекословному исполненію воли начальства, военная совѣсть его возмущалась тѣмъ, что надлежало идти противъ приказаній командира; но долгъ русскаго, обязанности гражданина великаго отечества ему говорили другое, о чемъ никогда прежде не смѣлъ онъ и думать...

Возвратясь на гауптвахту, Максимовичъ вспомнилъ, что многіе русскіе нижніе чины находятся въ лазаретѣ, и потому, отправившись къ нимъ, приказалъ тѣмъ, кто въ силахъ, взять оружіе и присоединиться къ караулу. Но, по выходѣ изъ лазарета, Максимовича встрѣтили нѣсколько подпрапорщиковъ, вооруженныхъ пистолетами, ружьями и саблями, которые бросились къ нему навстрѣчу и закричали: «Великаго Князя нѣтъ въ живыхъ—бей москалей!..» При этомъ они надѣялись, что литовцы примутъ ихъ сторону.

Наступила рѣшительная минута. Онъ былъ одинъ — безъ всякой поддержки; вступить съ ними въ бой было бы безразсудно, а потому ничего не оставалось, какъ дѣйствовать нравственной силой, чтобы прекратить буйство. Максимовичъ, смѣло встрѣтивъ ихъ напоръ, отвѣчалъ спокойно и хладнокровно:

«Что съ вами, господа! Это совершенная неправда: великій князь живъ и осаждаетъ съ большими силами Варшаву. Все тамъ утихло. Берите-ка скорѣе амуницію и присоединяйтесь къ баталіону!»

Громовой ударъ не такъ поразилъ бы подпрапорщиковъ, какъ эти, сказанныя съ полнымъ убѣжденіемъ, слова, которымъ они повѣрили, какъ сообщеннымъ со стороны офиціальнаго лица, находившагося съ подпрапорщиками въ частыхъ служебныхъ сношеніяхъ. Послѣ перваго испуга, они минуту колебались, а потомъ, бросивъ оружіе, поскакали въ 1-й егерскій полкъ въ Сохачевъ и къ 1-му линейному полку въ Мщоновъ, *чтобы известить ихъ, что великій князь живъ и*

имѣетъ въ своемъ распоряженіи значительныя силы. Эта новость быстро распространилась въ окрестностяхъ Блони и навела страхъ на заговорщиковъ, что и засвидѣтельствовано исторіею Смита.

Такимъ образомъ принятыя во-время отважныя и рѣшительныя мѣры баталіоннаго адъютанта принесли огромную пользу. Въ эту самую ночь подпрапорщики убили въ Варшавѣ многихъ убѣленныхъ сѣдинами воиновъ, оставшихся вѣрными своей присягѣ и государю, какъ-то: генераловъ Жандра, Трембицкаго, Засса, Сементовскаго, Блюмера, Потоцкаго, Гауке и другихъ, изъ которыхъ имена поляковъ начертаны на памятникѣ Саксонской площади.

Между тѣмъ въ Блони солдаты баталіона изъ окрѣстныхъ деревень постепенно собирались, такъ что съ разсвѣтомъ ихъ было уже до 200 человѣкъ. Вскорѣ прибыла и гренадерская рота.

Баталіонный командиръ, увидѣвъ изъ окна собранныя, вопреки его приказанію, войска, потребовалъ къ себѣ тотчасъ адъютанта, который явился не одинъ, а въ сопровожденіи дежурнаго по карауламъ офицера и четырехъ нижнихъ чиновъ. Первыя слова маіора Шпотанскаго были:

«Кто смѣлъ собрать баталіонъ безъ приказанія? Вы распорядились, такъ будете отвѣчать за это жизнью (пана на шубеницу!) Сейчасъ распустить людей по квартирамъ!»

На это Максимовичъ отвѣчалъ: «Каждый солдатъ, понимающій свой долгъ, знаетъ, что при возмущеніи долженъ поспѣшить къ своему мѣсту, и вѣрноподданные обязаны въ минуту опасности окружать великаго князя, а не оставаться въ бездѣйствіи». Тогда Шпотанскій закричалъ: «Какое возмущеніе? Вы за все поплатитесь!» Адъютантъ напомнилъ ему, что онъ исполняетъ прямой

долгъ службы русскаго офицера, и затѣмъ удалился съ дежурными и конвойными.

Вскорѣ прибыли еще двѣ роты; но извѣстій изъ Варшавы и изъ Скіерневицъ все еще не было.

Погода стояла холодная, а потому люди, расположенные на городской площади, окруженной корчмами, грѣлись водкою. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ польскихъ подпрапорщиковъ (составлявшихъ кадры), прибывшихъ изъ деревень и ничего незнавшихъ о происшедшемъ въ Блони, смѣшались съ солдатами и, умышленно выкативъ нѣсколько бочекъ съ виномъ, начали угощать солдатъ, стрѣляли на воздухъ и обращались къ нижнимъ чинамъ съ возмутительными рѣчами. Опять наступилъ моментъ, въ которомъ, при возникавшемъ безпорядкѣ, могли пропасть всѣ усилія Максимовича. Опасаясь этого, Максимовичъ тотчасъ же бросился въ толпу солдатъ и началъ убѣждать ихъ не слушаться бунтовщиковъ, но, напротивъ, схватить ихъ и остаться вѣрными присягѣ. Видя что слова его мало дѣйствуютъ на опьянѣвшихъ, и что оставаться долѣе на мѣстѣ было бы опасно, онъ поспѣшилъ къ гренадерской ротѣ, велѣлъ ударить сборъ, повелъ гренадеровъ въ поле и остановился внѣ Блони, на варшавской дорогѣ. Тогда за ними послѣдовали еще двѣ роты, по принятому порядку. Въ это время фельдфебели донесли адъютанту, что подпрапорщики старались возмутить русско-литовскихъ солдатъ, увѣряя ихъ, что великаго князя уже нѣтъ въ живыхъ и что сейчасъ придетъ на помощь мятежникамъ 1-й егерскій полкъ. Наконецъ, явилась и послѣдняя, 4-я рота, послѣ чего адъютантъ сдѣлалъ разсчетъ баталіоннаго строя и размѣстилъ людей, недавно прибывшихъ изъ полковъ. Замѣтимъ, что послѣднее не безъ умысла было отлагаемо командиромъ баталіона со дня на день.

Затѣмъ, ожидая прибытія конно артилерійской батареи, командиръ которой, полковникъ Гербель, какъ старшій, долженъ былъ принять начальство надъ собранными частями, адъютантъ велѣлъ разобрать огородные заборы и разложить бивуачные огни, чтобы дать возможность солдатамъ обогрѣться.

Шпотанскій не выходилъ, между тѣмъ, изъ своей квартиры, потому что, не имѣя точныхъ свѣдѣній объ успѣхѣ возстанія въ Варшавѣ, все еще не рѣшался прямо высказать передъ русскими, что онъ на сторонѣ мятежа, и, по всей вѣроятности, ожидалъ прибытія мятежнаго 1-го егерскаго полка изъ Сохачева.

Въ то же время, Максимовичъ, опасаясь за спокойствіе собранныхъ войскъ, призналъ необходимымъ рѣшиться на что либо опредѣленное. Убѣдившись, что было бы опасно ожидать долѣе прибытія полковника Гербеля и что необходимо поспѣшить къ великому князю, адъютантъ рѣшился на послѣднее средство, которое ему предписывалъ долгъ службы: онъ отправился съ дежурнымъ офицеромъ и конвойными еще разъ къ баталіонному командиру и объявилъ ему, что русскіе собрались, чтобы идти къ великому князю, и что поэтому его (Шпотанскаго) прямая обязанность быть въ главѣ баталіона.

Командиръ отвѣчалъ, что онъ болѣнъ, въ Варшаву не пойдетъ, потому что не находитъ это нужнымъ, и что за всѣ принятыя мѣры виновный подвергнется строжайшему взысканію.

Адъютантъ увидѣлъ, что всѣ его убѣжденія напрасны, а потому, возвратившись къ баталіону, написалъ приказаніе, что, по болѣзни командира, командованіе баталіономъ поручается старшему. Послѣ того Максимовичъ, воспользовавшись, какъ лично извѣстный Великому Князю офицеръ, своимъ авторитетомъ, вслѣдствіе долговремен-

наго служенія въ баталіонѣ и довѣріемъ, которое имѣли къ нему русскіе штабъ и оберъ-офицеры, уговорилъ ихъ поспѣшить въ Варшаву и объявилъ, что онъ одинъ беретъ на себя всю отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ. Въ это время между солдатами началъ появляться снова ропотъ, потому что они оставались долго безъ пищи.

Въ темный вечеръ, 18-го ноября, баталіонъ двинулся, направившись кратчайшимъ путемъ къ Влохамъ и къ окопамъ Варшавы. Максимовичъ, убѣжденный, что его старанія увѣнчались успѣхомъ, и что въ прибытіи баталіона къ мѣсту назначенія сомнѣнія не предстояло, поскакалъ впередъ за приказаніями къ Великому Князю. Но едва удалился онъ съ версту, какъ встрѣтилъ бригаднаго адъютанта л.-гв. пѣшей артилеріи, поручика Головина, посланнаго съ приказаніемъ его Высочества: «учебному баталіону и конной батареѣ прибыть какъ можно скорѣе».

Можно себѣ представить удивленіе Головина, когда онъ встрѣтился съ учебнымъ баталіономъ, предупредившимъ это приказаніе. А если бы баталіонъ оставался на мѣстахъ квартированія, то, по всей вѣроятности, приказъ Его Высочества засталъ бы баталіонъ уже во власти мятежниковъ. Максимовичъ, обрадованный, что его рискованный поступокъ получилъ одобрѣніе начальства и желая убѣдить баталіонъ въ правильности сдѣланныхъ имъ распоряженій, просилъ Головина пройти по рядамъ и повторить приказаніе Великаго Князя, и самъ сказалъ солдатамъ: «видите, ребята, что я правъ: Великій Князь живъ и самъ за вами послалъ!» Эти слова въ особенности подѣйствовали на литовцевъ.

На разсвѣтѣ, баталіонъ былъ остановленъ уже нашею цѣпью, у Мокатовскаго поля. Максимовичъ тотчасъ же отправился въ главную

квартиру, находившуюся въ Вержбѣ, гдѣ Великій Князь, садясь на лошадь у крыльца и видѣвъ Максимовича, спросилъ: «гдѣ баталіонъ и баталіонный командиръ?» — «Баталіонъ прибылъ, ваше Высочество, а командиръ й кадры измѣнили долгу присяги!» былъ отвѣтъ.

Великій Князь пожалъ плечами, и затѣмъ велѣлъ поставить баталіонъ на лѣвомъ флангѣ л.-гв. Волынскаго полка. Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Герштенцвейгъ, въ виду необходимости продовольствовать людей, приказалъ прислать немедленно въ штабъ команды, для отправленія ихъ на фуражировку въ ближайшія деревни, подъ начальствомъ штабъ-офицера изъ отряда.

Въ заключеніе намъ остается присовокупить нѣсколько словъ объ оставшихся въ Блони польскихъ кадрахъ учебнаго баталіона. Кадры эти, съ маіоромъ Шпотанскимъ, примкнули въ Варшавѣ къ вооруженнымъ мятежникамъ, гдѣ революціонное правительство (какъ слышно было) потребовало баталіоннаго командира къ суду, обвиняя его въ томъ, что онъ не исполнилъ даннаго ему приказанія: обезоружить и привести въ бездѣйствіе командуемый имъ баталіонъ.

Баталіонъ же, при отступленіи, находился въ составѣ аріергарда, подъ командою генералъ-маіора Пенхержевскаго. Команды, составлявшія учебный баталіонъ, были отправлены въ свои полки и баталіоны, собиравшіеся у Брестъ-Литовска.

Такимъ образомъ, быстрыя и рѣшительныя дѣйствія Максимовича, совершенныя въ Блони, вопреки приказаній баталіоннаго командира, увѣнчались полнымъ успѣхомъ и парализовали первоначальныя дѣйствія мятежниковъ въ провинціи, что отразилось частію и въ самой Варшавѣ. Видя Великаго Князя, окруженнаго вѣрными войсками, мятежники не посмѣли въ первое время предпринять что-либо по начертанному заговорщиками, противъ русскихъ, плану.

Къ этому, съ своей стороны, я прибавлю только нѣкоторыя подробности:

Весьма понятно, что мнѣ, въ чинѣ поручика, подчиненнаго начальству и не имѣвшему никакой власти, было сколько невозможно, столько же и опасно дѣлать открыто и гласно какія бы ни было распоряженія и противодѣйствія своему командиру; это значило бы подвергнуть себя явной гибели со стороны его и всѣхъ соучастниковъ его, составлявшихъ баталіонные кадры взбунтовавшихся поляковъ-революціонеровъ. Поэтому, я прибѣгнулъ къ другому средству, т. е. безъ всякой огласки, въ тихомолку, секретно отъ командира баталіона и всѣхъ составляющихъ кадры, приступилъ къ дѣлу.

Къ счастью, мнѣ много помогло то обстоятельство, что я имѣлъ тогда достаточно своихъ денегъ, и могъ расходовать и отправлять курьеровъ за курьерами съ предувѣдомленіемъ начальниковъ русской артилеріи въ Скерневицы и въ Гуру о случившемся, а также въ мѣста расположенія ротъ Своднаго баталіона, съ приказаніями объ экстреннomъ ихъ сборѣ.

Для отправленія курьеровъ, предполагая спачала, что варшавское происшествіе въ провинціи еще неизвѣстно, я обратился за лошадьми къ почтмейстеру въ Блони, но тотъ на отрѣзъ мнѣ отказалъ, сказавъ: «ни за какія деньги не дамъ; въ Варшавѣ революція, Великаго Князя уже нѣтъ; меня свои повѣсятъ». Тогда я послалъ нанять лошадей у обывателей, но и тѣ уже знали о революціи и также не хотѣли и слышать о томъ, чтобы дать лошадей.

Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, я долженъ былъ прибѣгнуть къ другому средству: я разослалъ расторопныхъ людей во всѣ мѣста отыскивать по секрету охотниковъ, за такое вознагражденіе, какое они пожелаютъ; интересъ преобладалъ надъ страхомъ и

охотники явились изъ евреевъ, которые потребовали огромной платы, не за трудъ и не за лошадей, а собственно за рискъ подвергнуться мести со стороны повстанцевъ. Каждый изъ нихъ боялся быть узнанным мятежниками и попасть на висѣлицу за сношеніе съ русскими. Имѣя въ виду, что мятежникамъ предстояла возможность захватывать отправляемыхъ съ конвертами нижнихъ чиновъ, я не ограничился посылкою въ каждое мѣсто одного курьера; но одного отправилъ вечеромъ, другаго въ полночь и третьяго утромъ, выдавая всякому щедрое вознагражденіе. Въ эту злопамятную ночь нанесена была мнѣ внезапно остроконечнымъ оружіемъ, пробѣжавшимъ мимо меня на улицѣ человѣкомъ, рана въ шею, не препятствовавшая мнѣ довести до конца мое предпріятіе. Изъ предосторожности, я также разослалъ нѣсколько расторопныхъ нижнихъ чиновъ для наблюденія за движеніемъ мятежниковъ и для того, чтобы они, вездѣ гдѣ можно, говорили, что Варшава усмирена и что всѣ войска находятся при Цесаревичѣ.

Вслѣдствіе этихъ мѣръ, ближайшая къ штабу гренадерская рота прибыла съ разсвѣтомъ въ штабъ баталіона.

Безконечно обрадованный первымъ результатомъ моихъ распоряженій, я тотчасъ выдалъ фельдфебелю на руки, предъ ротою, деньги на порцію водки и закуску, на каждаго гренадера, отъ имени высокаго нашего начальника Цесаревича, за поспѣшное прибытіе ихъ, имѣя въ виду, что Его Высочество всегда жаловалъ войскамъ за каждое выступленіе винную порцію. Рота эта послужила примѣромъ для другихъ солдатъ. Затѣмъ, по утру прибыли другія роты, на ту же городскую базарную площадь въ Блони. Мятежные кадровые поляки задумали было напоить литовцевъ и также взбунтовать, но мнѣ удалось от-

вратить эту опасность своевременнымъ выводомъ ротъ баталіона изъ города въ поле, на биваки.

Утро было очень холодное и развести огни было не чѣмъ, но, чтобы поддержать духъ солдатъ и ихъ благопріятное настроеніе, я обошелся съ ними на столько привѣтливо, на сколько это позволяетъ военная дисциплина, и позволилъ имъ, отъ имени Цесаревича, разобрать огородные заборы обывателей въ окрестностяхъ Блони и сказалъ имъ, что Его Высочество прикажетъ за это удовлетворить владѣльцевъ. Солдаты весело бросились снимать заборы и раскладывать костры; а я съ часу на часъ ожидалъ прибытія конной артиллеріи изъ Скерневицъ, чтобы идти съ баталіономъ въ прикрытіе орудій.

Костры ярко пылали, заборы уничтожались, солдаты, собравшись большими кружками около костровъ, отогрѣвались. Но хотя мнѣ и удалось вывести баталіонъ изъ Блони, гдѣ взбунтовавшимся кадровымъ изъ поляковъ удобнѣе было спаивать литовскихъ уроженцевъ и волновать умы, однакожъ, возмутители проникали и на биваки, съ цѣлію склонять солдатъ къ мятежу. Вскорѣ между солдатами я замѣтилъ колебаніе; кое гдѣ услышалъ толки, ропотъ на голодъ и порицанія моихъ распоряженій. Потомъ они заговорили, что будто бы на Волыни, въ Литвѣ и въ Петербургѣ началось уже возмущеніе, и что существующій порядокъ долженъ измѣниться. Всѣми силами я старался вразумить безумцевъ и прекратить преступные толки, но словесныя убѣжденія худо дѣйствовали. Видя, что солдаты зябли отъ холода и не имѣли никакой пищи, я распорядился покупкою порцій вина и на базарѣ всѣхъ бывшихъ въ продажѣ съѣстныхъ припасовъ: хлѣба, окороковъ, колбасъ, сыру и пр. Затѣмъ, построивъ баталіонъ въ каре, и, поднявъ высоко порціонную чарку, провозгласилъ громко: «ребята, за здравіе нашего милостиваго Государя Императора, за вѣр-

ность царской службѣ! стыдъ и поношеніе измѣнникамъ, ура!» Всѣ бодро и бойко подхватили «ура»! Въ минуту измѣнилось настроеніе, лица оживились и я увидѣлъ предъ собою баталіонъ солдатъ надежныхъ, готовыхъ жертвовать жизнію по первому приказу.

Къ вечеру, передъ выступленіемъ въ Варшаву, владѣльцы, у которыхъ были сломаны заборы, сошлись ко мнѣ съ жалобами и ропотомъ, какъ и слѣдовало ожидать, и заявили свои требованія. Не желая подать ни малѣйшаго повода къ нареканію на русскія войска, я тотчасъ же удовлетворилъ ихъ неномѣрныя требованія за изъянъ.

Такимъ образомъ, изворачиваясь всѣми способами для достиженія предпринятой цѣли и, притомъ, соблюдая законныя постановленія мирнаго времени, я могъ собрать русскія загородныя войска вокругъ особы Его Высочества Цесаревича.

Между тѣмъ, варшавскіе революціонеры съ мятежными войсками, производя кровавыя неистовства въ Варшавѣ, ждали извѣстій объ избіеніи русскихъ загородныхъ войскъ. Но неожиданно увидѣвъ передъ Варшавою, на Мокотовомъ полѣ, русскія пушки на позиціяхъ и всѣ загородныя русскія войска, сохранившимися въ цѣлости и въ боевомъ порядкѣ, подъ командою самаго Великаго Князя, бунтовщики пришли въ неописанное изумленіе и убѣдились, что планъ истребленія русскихъ войскъ не удался. Въ испуганномъ воображеніи своемъ, какъ разсказывали плѣнные варшавскіе мятежники, они полагали, что весь Литовскій корпусъ приближается уже къ Варшавѣ, а за нимъ и другія русскія войска. Они кричали объ измѣнѣ и принялись отыскивать мнимыхъ предателей между своими, чинили судъ и расправу за предполагаемую будто бы измѣну, и перессорились.

Въ то же время мятежныя войска съ ожесточеніемъ готовились вступить въ бой съ русскими.

Такое замѣшательство, возникшее между начальниками, парализовало исполненіе составленнаго ими плана, не выпустить русскія войска изъ предѣловъ Польши.

Городъ, между тѣмъ, поспѣшилъ выбрать диктаторомъ, для скорѣйшаго установленія какой либо распорядительной власти, генерала Хлопицкаго.

Его Высочество Цесаревичъ, окончательно убѣдившись, что со стороны поляковъ ожидаетъ его одна лишь измѣна и предательство, и что русскій отрядъ не могъ быть, по неравенству силъ, употребленъ противъ возставшей массы польскаго войска, въ числѣ около 60,000, и кромѣ того противъ вооруженнаго народа, рѣшился оставить возставшій, неблагодарный народъ.

Русскій отрядъ направился къ Брестъ-Литовску. Въ походѣ маршрута не было. Каждодневно, самъ Цесаревичъ дѣлалъ диспозиціи для слѣдованія войскъ.

Однажды на походѣ, днемъ, генералъ Пенхержевскій, командовавшій аріергардомъ, донесъ Цесаревичу, всегда слѣдовавшему при авангардѣ, что въ тылу отряда скопляется непріятель и замѣчено движеніе войскъ. Цесаревичъ прискакалъ къ аріергаду, обозрѣлъ мѣстность, избралъ позицію, ободрилъ свои войска и рѣшился дать отпоръ. Поляки поняли, какая приготовлялась имъ встрѣча, и отступили.

На шестой или седьмой день похода получена была чрезъ адъютанта первая вѣсть отъ командира Литовскаго корпуса, барона Г. В. Розена, испрашивавшаго у Цесаревича приказанія о томъ, какія нужно сдѣлать распоряженія для подавленія возстанія. Вѣсть эта мгновенно облетѣла и обрадовала весь отрядъ.

Походъ былъ одинъ изъ труднѣйшихъ. За отрядомъ не слѣдовало ни вьюковъ, ни деньщиковъ. Офицеры и солдаты вышли, какъ на

кратковременную тревогу, на-скоро, не захвативъ съ собою ни вещей, ни бѣлья.

Его Высочество, оставивъ отрядъ въ Брестъ-Литовскѣ, уѣхалъ въ Бѣлостокъ. Въ то же время войска, назначенныя для дѣйствій противъ непріятеля, начали собираться. Команды, составлявшія сводный учебный баталіонъ, отправлены въ свои полки, и я поступилъ въ 48-й егерскій полкъ и участвовалъ въ Польской кампаніи 1831 года.

Въ заключеніе, не могу воздержаться, чтобы не посвятить нѣсколько словъ блаженной памяти Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича. Быть можетъ, что для обнародованія исторіи его жизни еще не настало время, но я думаю, что каждый современникъ Цесаревича, какъ я, по служебному положенію своему, почти ежедневно имѣвшій возможность видѣть и знать его служебную дѣятельность, можетъ, скажу болѣе, обязанъ, внести свое простое и справедливое слово въ сокровищницу историческихъ матеріаловъ.

Въ Варшавѣ я всегда удивлялся и благоговѣлъ необыкновенной и неутомимой заботѣ и дѣятельности Цесаревича, не дававшаго себѣ ни покоя, ни отдыха. Весь сложный механизмъ управленія находился въ рукахъ Цесаревича; все было имъ лично соображено, взвѣшено и

затѣмъ предписано; самое исполненіе каждаго распоряженія всегда было у него на глазахъ и не ускользало отъ его личнаго контроля. Цесаревичъ входилъ во всѣ подробности службы и солдатскаго быта. Онъ даже всегда перечитывалъ дневные рапорты и дѣлалъ на нихъ карандашемъ помѣтки, имѣвшія послѣдствіемъ какое-нибудь практическое улучшеніе въ бытѣ войскъ. Каждое новое лицо, прибывавшее въ Варшаву, изъ русскихъ, хотя бы и не военнаго званія, даже нижніе чины обязаны были ему представляться. Его Высочество зналъ лично всѣхъ подчиненныхъ офицеровъ и многихъ нижнихъ чиновъ, въ чемъ много помогала ему замѣчательная память. Онъ всегда отличалъ наиболѣе исправныхъ по службѣ, входилъ въ положеніе каждаго служащаго и съ готовностію помогалъ дѣйствительно нуждавшимся, чѣмъ многихъ спасъ отъ нищеты и бѣдствій, а можетъ быть и отъ преступленія. Въ дѣлѣ помощи Цесаревичъ не различалъ: русскій ли то, или полякъ. Всѣ несчастные имѣли равное право на его помощь. Участіе его къ военнымъ простиралось до того, что онъ посѣщалъ иногда трудно больныхъ и почти всегда присутствовалъ на похоронахъ русскихъ офицеровъ.

Заботясь объ образованіи войскъ, Великій Князь устроилъ въ Варшавѣ, почти исключительно на свой счетъ, прекрасную школу для русскихъ солдатскихъ дѣтей, съ хорошимъ содержаніемъ и съ учебною програмою, мало уступавшей дворянскимъ кадетскимъ корпусамъ.

Цесаревичъ былъ строгихъ правилъ жизни и очень религіозенъ: войдя въ церковь и ставъ на свое мѣсто, онъ не перемѣнялъ уже положенія во все время продолженія службы. Вообще, Цесаревичъ, преисполненный несокрушимой гражданской доблести и любви къ отечеству, примѣромъ своимъ внушалъ каждому чувство его высокаго нравственнаго превосходства. Образцовый начальникъ, онъ представ-

лялъ лучшій примѣръ точнаго исполнителя царской службы. Настоящій отецъ подчиненныхъ, онъ былъ строгъ и не допускалъ на службѣ, дни ля кого, ни малѣйшей поблажки; но въ то же время, онъ не дѣлалъ никого несчастнымъ, не испортилъ ни чьей будущности.

При такихъ высокихъ свойствахъ души, Цесаревичъ ничего не боялся. Полагаясь на честность поляковъ, гордившихся своею исторіею, что будто бы они никогда не посягали на жизнь своихъ государей и правителей, Цесаревичъ въ Бельведерскомъ своемъ дворцѣ не держалъ карауловъ. Службу тамъ отправляли невооруженные инвалиды. Но, не обнаруживая недовѣрія къ полякамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры предосторожности. Къ величайшему несчастію, въ такомъ трудномъ дѣлѣ Цесаревичъ не имѣлъ прозорливыхъ помощниковъ: высшіе начальники, какъ уже сказано, заблуждались сами и, хотя не намѣренно, вводили въ заблужденіе и другихъ на счетъ народнаго спокойствія. Полиція была дурно организована, и ея агенты ничего не дѣлали.

Принявъ во вниманіе все вышесказанное, мы имѣемъ полное право не согласиться съ мнѣніемъ историка г. Смита, что Великій Князь не съумѣлъ подавить, имѣвшимися у него средствами, варшавскій мятежъ въ самомъ его началѣ, и допустилъ развиться народной революціи.

При этомъ, нельзя не принять въ соображеніе и послѣднее польское возстаніе, для подавленія котораго потребовались почти двухлѣтнія усилія и часть русской арміи, тогда какъ военныя силы и всѣ другія средства Великаго Князя Константина Павловича въ 1830 году, сравнительно съ силами главнокомандующихъ въ Польшѣ въ 1863—1864 годахъ, были далеко не одинаковы. Послѣдній мятежъ произошелъ въ виду расположенныхъ въ Варшавѣ и во всемъ Цар-

ствѣ Польскомъ многочисленныхъ русскихъ войскъ, получавшихъ скоро и удобно изъ внутренней Россіи всякую помощь и подкрѣпленія, при пособіи прежде не существовавшихъ желѣзныхъ дорогъ и множества другихъ техническихъ усовершенствованій въ оружіи новѣйшаго времени, и при томъ Польша уже не имѣла, какъ прежде, своихъ національныхъ, отлично обученныхъ войскъ. Въ ея распоряженіи не было никакихъ общественныхъ запасовъ, ни арсеналовъ, ни боевыхъ снарядовъ, ни казначействъ, однимъ словомъ, не было уже, какъ въ 1830 году, автономіи Царства; а между тѣмъ, не взирая на русскую усовершенствованную полицію, жандармовъ и отчасти русскую администрацію, возстаніе вспыхло, охватило весь край и потребовало не мало усилій для его подавленія.

2007043163